

Однако в середине 1920-х гг., несмотря на то что большинство населения и даже духовенство Ингушетии поддержало советскую власть, борьба с тарикатами усилилась. Парторганизации республики вели активную борьбу с «религиозными предрассудками»⁹⁷. «Под школы использовались частновладельческие помещения, а в некоторых аулах школы открывались при мечетях, где ранее существовали мусульманские школы. Так, например, в 1920 г. в селении Яндырка Назрановского района двухклассная школа была открыта в здании мечети, а в Барсуках этого же района — на территории мечети и мусульманской школы»⁹⁸.

К. Бутев писал об этом периоде, что значительная часть населения поддерживает духовенство, «есть здесь и хаджи, и влиятельные муллы, но мюридизм не настолько развит, чтобы целиком влиять на судьбу Ингушетии»⁹⁹.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ

Материалы письменных источников первой половины XIX в. свидетельствуют, что в Ингушетии, как, впрочем, и в других районах Северного Кавказа, не было светских школ. Почти все население Ингушетии было неграмотным. Впервые «предложение» к ингушам об организации школ поступило от императрицы Екатерины Великой в 1764 г. Ингушам, как и осетинам, было предложено принять христианскую религию и переселиться на Моздокскую линию. Осетины и ингуши с великою радостью приняли полковника Гака, а ингуши, более того, просили бывшего с Гаком проповедника архимандрита Пахомия, «чтобы он взял на свои руки детей их для обучения грамоте и закону». Это послужило основанием к учреждению в Моздоке Духовной осетинской школы, в которой обучались не только осетинские и ингушские дети, но и дети других народов Кавказа¹⁰⁰. Целью данного учебного заведения было «поставлять в священники и к церквам новообращенных христиан и посылать их проповедниками»¹⁰¹. Как

⁹⁷ *Мартиросиан Г.К.* Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928. С. 59.

⁹⁸ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С древнейших времен до наших дней. Грозный, 1972. Т. 2: 1917–1970. С. 118.

⁹⁹ *Бутаев К.* Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 2. С. 30.

¹⁰⁰ *Хицунов П.* Указ. соч.

¹⁰¹ Там же.

сообщает П.Г. Бутков, школа находилась в тяжелом экономическом положении, а ее ученики, «не имея ни обуви, ни рубах по причине отбирания у них жалования отцами их и родственниками во время их в Моздок приездов»¹⁰², лишали детей возможности нормально учиться и существовать.

Школа функционировала с 1771 по 1793 г., с ее закрытием прекратила работу и Моздокская духовная комиссия¹⁰³.

Сведения об открытии школы непосредственно в Ингушетии имеются в материалах Эдинбургского миссионерского общества. В 1802 г. с разрешения Александра I между Железноводском и Пятигорском¹⁰⁴, возле абазинского аула Каррас, была учреждена миссия Эдинбургского миссионерского общества, получившая разрешение на деятельность в Средней Азии, Крыму и на Кавказе. Одним из членов Шотландской миссии, занимавшимся проповеднической деятельностью среди населения галгаевского общества, Г. Блаем, была открыта в 1821 г. школа для ингушей, проживавших в местечке Назрань¹⁰⁵. Местное население восприняло это предложение с большим энтузиазмом, многие приходили и предлагали помощь в строительстве школы и радовались выпавшей на долю их детей возможности учиться¹⁰⁶. Детей предполагалось обучать русскому и ингушскому языкам и другим «предметам полезных познаний», имея в виду их образование и «внушение Евангельского учения»¹⁰⁷. Однако генерал А.П. Ермолов, узнав о его намерениях, закрыл школу и выслал Г. Блая из Ингушетии снова в Каррас.

После закрытия этой школы более 40 лет на территории Ингушского округа не было школ.

Начальник Терской области в письме к начальнику Кавказского горского управления от 15 ноября 1866 г. сообщал о назревшей необходимости строительства школ: «Жители Ингушевского (Ингушского. — М.А.) округа постоянно обращаются с просьбами об определении своих детей в учебные заведения, к сожалению, удовлетворение подобных просьб оказывается совершенно неисполнимым вследствие

¹⁰² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Т. I. С. 440.

¹⁰³ ОР РНБ. 1842. А1. № 59. Л. 8.

¹⁰⁴ Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 153.

¹⁰⁵ Празднование столетия в колонии Карасс // ТВ. 1906. № 153.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 8.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 8 об.

недостатка вакансий во Владикавказской горской школе, в которую до сих пор по мере возможности зачислялись дети жителей названного округа»¹⁰⁸.

Бывший в то время начальником округа подполковник А. Нурид в конце 1864 г. ходатайствовал перед высшим начальством о постройке школы в Назрани. В конце 1865 г. при вступлении в управление округом подполковника Д.С. Морозова народ высказал настоятельную просьбу об устройстве училища в Назрани. Местное население со своей стороны предложило для постройки школы посильную помощь, заключающуюся в поставке леса, песка, камня и глины и в бесплатной перевозке фабричных материалов. При таком значительном пожертвовании оказалось необходимым отпустить только деньги на наем мастеровых и на покупку фабричных материалов, всего около 6 тыс. руб.: из них 3 тыс. — от казны, а 3 тыс. — из общественной суммы. После получения разрешения на постройку местное население немедленно преступило к заготовке материалов, распределив их между жителями окрестных селений. За полмесяца были заготовлены все материалы: до 2 т бревен, 600 возов камня, 700 возов песка, 300 возов щебня и 40 возов турлука; кроме этого, до 600 подвод назначалось для перевозки фабричных материалов. Местная «интеллигенция» в лице майора Базоркина, ротмистра Заурбека Мальсагова и юнкера Муртуза Зортова наблюдала за заготовлением и приемом сырых и закупкой фабричных материалов. Ни один из аулов не отказался от участия в общественных работах, а, напротив, каждый старался поскорее выполнить данное обещание, несмотря на страшные затруднения, с которыми вывозился лес из горных трущоб, нередко за 50 верст. По окончании постройки зданий предстояло сообразно с участием в работе каждого аула методом жеребьевки выбрать 60 учеников из 200 желающих¹⁰⁹.

Так, в Терской области в местечке Назрань 14 февраля 1868 г. было открыто первое училище, состоявшее из четырех капитальных зданий, обнесенных забором, и представлявшее собой как бы отдельное укрепление. «Тут же отдельно стояли мальчишки, выбранные в школу, со своими отцами. Дети все были одеты в свои национальные костюмы весьма хорошо, и даже бедные горцы не уступали в одежде жителям плоскости»¹¹⁰. Показательно, что многие учащиеся приходили

¹⁰⁸ ЦГА РСО—Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 483. Л. 33.

¹⁰⁹ Открытие Назрановского 2-классного училища // ТВ. 1868. № 9.

¹¹⁰ Там же.

в школу из разных аулов — ближних и дальних (так, один ученик ежедневно преодолевал путь в 10 верст). И. Стоянов пишет, что из 72 мальчиков, поступивших в училище, 67 не говорили и не понимали ни одного русского слова, следовательно, обучение давалось им с большим трудом. Однако процесс обучения строился не только на обучении грамоте. Каждый день один урок предназначался для занятий различными ремеслами: плотничьим, токарным, столярным, бондарным и колесным, а весной и осенью дети занимались садоводством, огородничеством и полеводством¹¹¹. В сведениях об учебных заведениях Терской области отмечается, что для формирования навыков передового для своего времени ведения сельскохозяйственных работ в Ингушском округе близ поста Камбелеевского в декабре 1869 г. была открыта Практическая земледельческая школа. Правительство на содержание каждого ученика ежегодно отпускало 50 руб.¹¹²

Таким образом, ингуши получили возможность получать образование и приобретать необходимые навыки ведения хозяйства.

Активная позиция ингушского общества в деле просвещения своих членов прослеживается и в материалах дела о пожертвовании сельскими обществами средств на содержание Назрановской горской школы. Из этого документа следует, что в 1867 г. собрание доверенных от 22 обществ постановило ежегодно вносить на указанные цели по 15 коп. с дыма Нагорных обществ и по 25 коп. с дыма 18 плоскостных обществ, что составило 1800 руб. в год. Эти деньги должны были использоваться на дополнительное содержание Назрановской горской школы, по преобразованию ее в двухклассное начальное училище Министерства народного просвещения с пансионом¹¹³. При организации подобного учебного заведения местная администрация столкнулась с рядом трудностей, связанных как с образовательным процессом, так и с его финансированием. Для более эффективной работы школы на заседании Государственного совета от 22 декабря 1870 г. было решено, начиная с 1871 г., перечислять из государственных средств определенную сумму на счет Назрановской начальной

¹¹¹ *Стоянов И.* Отчет о состоянии Назрановской начальной школы // ТВ. 1869. № 16.

¹¹² Сведения об учебных заведениях Терской области. Ингушский округ // ТВ. 1870. № 39.

¹¹³ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 147. С. 24–24 об.

горской школы¹¹⁴, что улучшило положение школы, до этого функционировавшей на средства местных обществ. Среди учителей Назрановской горской школы были преподаватели-ингуши: Э. Саутиев, Б. Зязиков и Минга-Хаджи Альтемиров, преподававший мусульманский закон (труд этого учителя в 1882 г. был отмечен серебряной медалью¹¹⁵). П.И. Симонов отмечал, что программа по «Закону Божьему», составленная муллой М.-Х. Альтемировым на арабском языке, была переведена им же на русский язык¹¹⁶ для более глубокого понимания «Закона Божьего». И. Пантюхов писал, что «при школе образован, и весьма стройный, хор певчих». Этот же автор отмечал, что «ингуши — любознательный, бойкий и умный народ, они более, чем какая-либо другая российская магометанская народность, рвутся к просвещению»¹¹⁷.

Назрановская горская школа на выставке предметов сельского хозяйства и промышленности, проходившей в Тифлисе в 1889 г., получила бронзовую медаль за столярные работы¹¹⁸, а на Первой терской сельскохозяйственной выставке — призовые места по пчеловодству, шелководству и огородничеству¹¹⁹.

Из горской школы ежегодно переводились 2 или 3 ученика в другие учебные заведения для получения дальнейшего образования. Тем самым увеличивался общий процент молодых людей, которым открывалась возможность получить полноценное образование. Некоторым из них посчастливилось продолжать обучение в Ставропольской гимназии, «где были три казеннокоштных вакансии для Терской области, из которых одна отдавалась дагестанцам». Выпускниками гимназии стали Адель-Гирей Долгиев, Чах Эльмурзиевич Ахриев и др.¹²⁰ Многие ингуши смогли получить высшее образование не только в России, но и за ее пределами благодаря своим знаниям и поддержке местного общества, выражавшейся в выделении средств на проезд к месту учебы. Об этом свидетельствуют материалы из личных дел студентов. Так, в Санкт-Петербургском институте путей сообщения

¹¹⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 15. Д. 94. Л. 9.

¹¹⁵ ЦГА РСО—Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 483. Л. 35.

¹¹⁶ Там же. Л. 36.

¹¹⁷ *Пантюхов И.* Ингуши // ИКО ИРГО. Тифлис, 1900. Вып. XIII. С. 76.

¹¹⁸ Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в 1889 г. Тифлис, 1889. С. 37.

¹¹⁹ Каталог I Терской сельскохозяйственной выставки // ТВ. 1898. № 115.

¹²⁰ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. С. 293.

обучались Хосбот Османович Ужахов¹²¹, Темир-Булат Бадзиевич Дахкильгов¹²². В Санкт-Петербургском университете — А.-Г. Долгиев¹²³, Ассадулла Темуркович Ахриев¹²⁴ и др. Получив образование, они вернулись в Ингушетию, дополнили ряды местной интеллигенции и работали по полученной специальности.

Материалы периодической печати свидетельствуют о том, что активную помощь в просветительской деятельности принимала ингушская интеллигенция в лице Х. Астемирова, И. Бекбузарова, Х. Келематова, Т. Мисостова и др., которые являлись членами Владикавказского общества вспомоществования учащимся¹²⁵. В материалах распорядительного комитета данного общества в числе учащихся, за обучение которых была внесена плата, значится Нальгиев Эльберд, он обучался в реальном училище¹²⁶.

А.-Г. Долгиев писал, что многие ингуши осознают необходимость знания русского языка и грамоты, что только через образованных и грамотных людей можно будет «изменить твердо укоренившиеся понятия и обычаи предков и что труд этот лежит на их потомках»¹²⁷.

Из статьи «Публичный акт в Назрановской горской школе» явствует, что ингушское общество всесторонне поддерживало администрацию школы и самих учащихся. На празднике в честь окончания учебного года в 1881 г. присутствовали помощники начальника Владикавказского округа И.П. Попов, М.С. Лаханин, участковый пристав С.К. Венеровский, воинский начальник С.А. Чекальский, старейшины, почетные лица из окрестных селений, а также родители и учащиеся. Открытие этого мероприятия началось с молитвы кадия и награждения лучших учеников похвальными листами, книгами и различными подарками. В заключение было высказано пожелание «видеть такие же успешные результаты школьного обучения» и всестороннюю помощь со стороны местного населения в деле школьного образования¹²⁸.

¹²¹ ЦГА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 598. Л. 119.

¹²² Там же. Ф. 381. Оп. 1. Д. 598. Л. 26, 27 об.

¹²³ *Шилов А.А., Карнаухов М.Г.* Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: в 5 т. М., 1928. Т. I. Ч. 2. С. 317.

¹²⁴ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. С. 296.

¹²⁵ Местные известия // ТВ. 1880. № 11.

¹²⁶ ТВ. 1882. № 11.

¹²⁷ *Долгиев А.-Г.* Несколько слов о Назрановской горской школе // ТВ. 1870. № 7.

¹²⁸ Публичный акт в Назрановской горской школе // ТВ. 1881. № 26; Новое обозрение. 1897. № 1730.

М.Г. Котиев сообщает, что «в настоящее время ингуши, представив народные приговоры, ходатайствуют о преобразовании Назрановской горской школы в шестиклассное городское училище. Эти факты свидетельствуют о том, с каким рвением, любовью и жадой они относятся к школе как к единственному рассаднику просвещения»¹²⁹.

С 1883 г. в городе Владикавказе стало функционировать Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. Главным источником доходов Общества являлись средства, поступавшие от проведения народных гуляний, вечеров, лотерей, а также финансовая поддержка горской интеллигенции. Активными членами этого общества были ингуши: Ибрагим Базоркин, Пипе Базоркина, Саид Дарсигов, Гака Ужахов, Ибрагим Ужахов, Саадула Ужахов, Юнус Парчиев, Кони Алмазов, Бек-Султан Алмазов, Исса Парчиев, Изберт Оздоев, Сосланбек Долаков, Исмаил Долаков, Зубаир Ужахов, Фатима Джамбулатовна Базоркина, Магомед Джабагиев и др., которые помогали деньгами, вещами и личным трудом¹³⁰.

Н. Тульчинский, специально изучавший положение ингушей среди других горских народов Терской области, подчеркивал необходимость строительства школ, так как на 48 тыс. ингушей приходилось только одна школа¹³¹. Ингушская общественность стремилась и собственными силами решать этот сложный вопрос. Она собирала средства на строительство школ, обращалась с ходатайствами в государственные инстанции, в свою очередь, аульные общества принимали соответствующие решения.

В ингушской среде интерес к получению молодежью светского образования постоянно возрастал, и Закон «О введении всеобщего начального образования в России», принятый 3 мая 1908 г., полностью соответствовал чаяниям ингушей. Этот факт отмечен в отчете директора народных училищ Терской области Г. Грушевского. До 1910 г. в Назрановском округе существовала только одна школа. В 1910 г. открылись два начальных училища — Привольненское и Насыр-Кортское. Желающих поступить в последнее училище было очень много — 200 человек, при возможности разместить во временном помещении

¹²⁹ ТВ. 1911. № 73.

¹³⁰ Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области // ТВ. 1910. № 44, 45.

¹³¹ *Тульчинский Н.* К вопросу о положении ингушей среди горцев Терской области // ТВ. 1902. № 35.

не более 45–50 учащихся. До конца 1911 г. было открыто еще 9 начальных училищ, все во временных помещениях. При их открытии повторилась ситуация, имевшая место в Насыр-Корте, то есть приходилось принимать детей по жребью. Таким образом, в 1910-х гг. на 53 тыс. человек ингушского населения Назрановского округа приходилось 11 школ, в которых обучалось 522 мальчика и 8 девочек. Соответственно, одна школа приходилась на 4,4 тыс. населения, или на 1000 душ населения 10 учащихся. В дирекцию поступили «приговоры» об открытии училищ еще от пяти ингушских селений¹³².

Из вышеизложенного документа следует, что для открытия школы необходимым условием был «приговор» от общества, в котором жители селения должны были указать объем материальных средств, какие они в состоянии были выделить.

Согласно архивным материалам, такие «приговоры» поступили из большинства населенных пунктов плоскостной части Ингушетии¹³³.

В Российской империи выделялись ассигнования из казны, которые преимущественно направлялись в районы с «инородческим» населением. За счет этих средств были построены 22 школы в кабардинских селениях, 17 школ в осетинских, 15 школ в ингушских и 35 школ в чеченских селениях¹³⁴. Осознание необходимости образования, как писал в 1897 г. корреспондент газеты «Терские ведомости», росло с каждым днем не только на плоскости, но и в горной части Ингушетии. Так, писарь Джейраховского общества по собственной инициативе в свободное от работы время обучал детей разговорному русскому языку, грамоте и письму¹³⁵.

В селении Назрань Назрановского округа Терской области 28 марта 1915 г. на совещании заведующих низшими начальными училищами и сельских старшин было принято решение о строительстве низших начальных училищ с целью скорейшего обучения всех мальчиков и девочек 8–11 летнего возраста.

Для этой цели из казны было выдано 1500 руб. на возведение деревянного строения и 2000 руб. на каменное здание, сроком до 2 лет. Сельские общества, в свою очередь, должны были на эти средства построить здания школы. Для каждого училища избирался сроком на 5 лет «почетный блюститель», в обязанности которого входило учас-

¹³² ЦГА РСО–Алания. Ф. 123. Оп. 1. Д. 515. Л. 90 об.

¹³³ Там же. Д. 483. Л. 1–6 об.

¹³⁴ Грамотность в ТО // ТВ. 1914. № 130, 132.

¹³⁵ Г.М.З. Местные известия // ТВ. 1879. № 40.

тие в педагогическом надзоре, посещение уроков, экзаменов, просмотр письменных работ и доведение до инспектора народных училищ сведений об учебном процессе; однако он сам не мог делать персональных указаний или замечаний учителю¹³⁶.

Г.К. Мартиросиан писал, что на Кавказе до 1917 г. существовало всего 5 горских училищ для магометанского населения: одно — в слободе Нальчик (основано в 1861 г.) для кабардинского населения; другое — в г. Грозном (1863) для чеченцев; третье — в Майкопе (1863) для черкесов; четвертое — в пос. Назрань (1871) для ингушей; пятое — для абхазов в Сухум-кале. Далее автор подчеркивает, что осетины и ингуши охотно отдают своих детей в услужение к русским чиновникам и мещанам без всякой платы, с единственным условием — выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски¹³⁷.

В 1920-х гг. Н.Ф. Яковлев отмечал: «Национальный центр тяжести ингушского народа как в отношении численности, так и в развитии культуры (мало-помалу) переместился на плоскость. <...> Почти все ингуши усвоили русский язык и очень многие — грамоту, которой с грехом пополам пользуются и для родного языка. <...> Русская азбука служит ингушам и для передачи на письме ингушских текстов, причем недостающие буквы пополняются массой надстрочных и подстрочных значков, изображаемых каждым ингушом по-своему. Не делалось и не делается попыток хотя бы частично ввести обучение ингушской грамотности в школах за неимением общепринятого рукописного и типографического шрифта. Даже газета для ингушей во Владикавказе издается на русском языке»¹³⁸.

Поднятая Н.Ф. Яковлевым тема была очень актуальной для ингушей, и местная интеллигенция не осталась в стороне от решения насущной проблемы ингушского общества, желавшего пользоваться наравне с русской письменностью также и ингушской. «Грамотность на родном языке есть первый шаг к просвещению», — писал Ф.И. Горепекин, который, в совершенстве владея ингушским языком и находясь в постоянном общении с местным населением, предпринял попытку создания ингушской азбуки. Его многочисленные обращения в 1920-х гг. к местным властям с просьбой решить этот вопрос при содействии как рядовых ингушей, так и интеллигенции не остались

¹³⁶ Школьная жизнь // ТВ. 1915. № 76.

¹³⁷ Мартиросиан Г.К. Социально-экономические основы революционных движений на Терек. Владикавказ, 1925. С. 19.

¹³⁸ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574. Л. 31.

незамеченными. Данный вопрос был поднят первым комиссаром народного просвещения Терской Советской Республики — Яковом Маркусом¹³⁹. В 1918 г. Ф.И. Горелекин представил свой труд на областном съезде, где делегаты единодушно присвоили ему звание «*Нахаа-си-дар*» — «просветитель народа». Несколько лет спустя, в 1922 г., созданный им букварь был принят к изданию, а автору выдана премия в размере 1500 руб. золотом.

Как отмечал Н. Яковлев, потребность в национальной грамоте назрела. Это доказывалось появлением нескольких проектов ингушского шрифта, разработанных параллельно. Это проекты Заурбека Мальсагова (латинский шрифт), Магомед Джабогиева (арабский шрифт), Магомед Альтемирова (русско-усларовский алфавит)¹⁴⁰.

Но в связи с начавшейся 1920–1930-е годы кампанией по переводу письменностей народов СССР на латиницу, все работы предыдущих авторов, кроме алфавита, составленного на основе латинского шрифта ингушским лингвистом З.К. Мальсаговым, были отклонены. Книги и местная газета стали издаваться на основе алфавита, составленного З.К. Мальсаговым¹⁴¹.

¹³⁹ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 161. Л. 1.

¹⁴⁰ Там же. Д. 574. Л. 32.

¹⁴¹ Там же. Д. 161. Л. 1 об.